

Нефтяной рынок: от картелизации к кооперации?

АНДРЕЙ КОНОПЛЯНИК

Доктор экономических наук, профессор

В первой части данной статьи были проанализированы предпосылки и ход принятия исторического апрельского решения государств ОПЕК+ и ряда примкнувших стран о совместном ограничении добычи. Рассмотрены причины «черного понедельника» на нефтяном рынке США, в ходе которого котировки сорта WTI впервые в истории приняли отрицательные значения. Наконец, были обозначены некоторые возможные краткосрочные меры, способные смягчить последствия идеального шторма на глобальном нефтяном рынке, не допустить переполнения мировых нефтехранилищ. Но только при условии тесной срочной кооперации ключевых участников рынка. Далее на основе анализа основных этапов развития мирового нефтяного рынка показано, почему сегодня невозможно его стабилизировать путем картелизации, то есть методами частичной кооперации отдельных игроков, пусть даже объединенных в такую внушительную, на первый взгляд, группу, как ОПЕК+, обосновывается историческая обреченность картелей.

Настоящая статья отражает исключительно личную точку зрения автора
Окончание. Начало см. в №9-10/2020

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ЭТАПЫ

Почему нынешнее весьма зыбкое и пока неустойчивое объединение усилий всех ключевых игроков на нефтяном рынке в интересах его стабилизации, пусть и сцементированное общей бедой, стало возможным именно сейчас? На мой взгляд, это происходит из-за обреченности в нынешних экономических условиях международных нефтяных картелей, деятельность которых направлена на удовлетворение интересов лишь их участников. Хотя в прошлом были периоды их успешного – и даже довольно длительного – существования. Но это было при другой внутренней организации международного нефтяного рынка и иной его встроенности в мировую финансово-экономическую систему. Фактически – в другую эпоху.

Думаю, полезно вспомнить об этом, чтобы вновь не возник соблазн, натолкнувшись на объективные трудности в процессе выработки общих решений участников глобального нефтяного рынка, попытаться найти индивидуальные или узкогрупповые картельные пути решения общих проблем. И если политика – это искусство возможного, то энергетическая дипломатия в данной ситуации должна постараться стать искусством невозможного...

История мирового рынка нефти знает три периода относительно длительного существования международных картелей. В рамках моей классификации эволюции мирового рынка нефти – это первый (1928–1947), второй (1947–1973) и третий (1973–1985) этапы. На протяжении

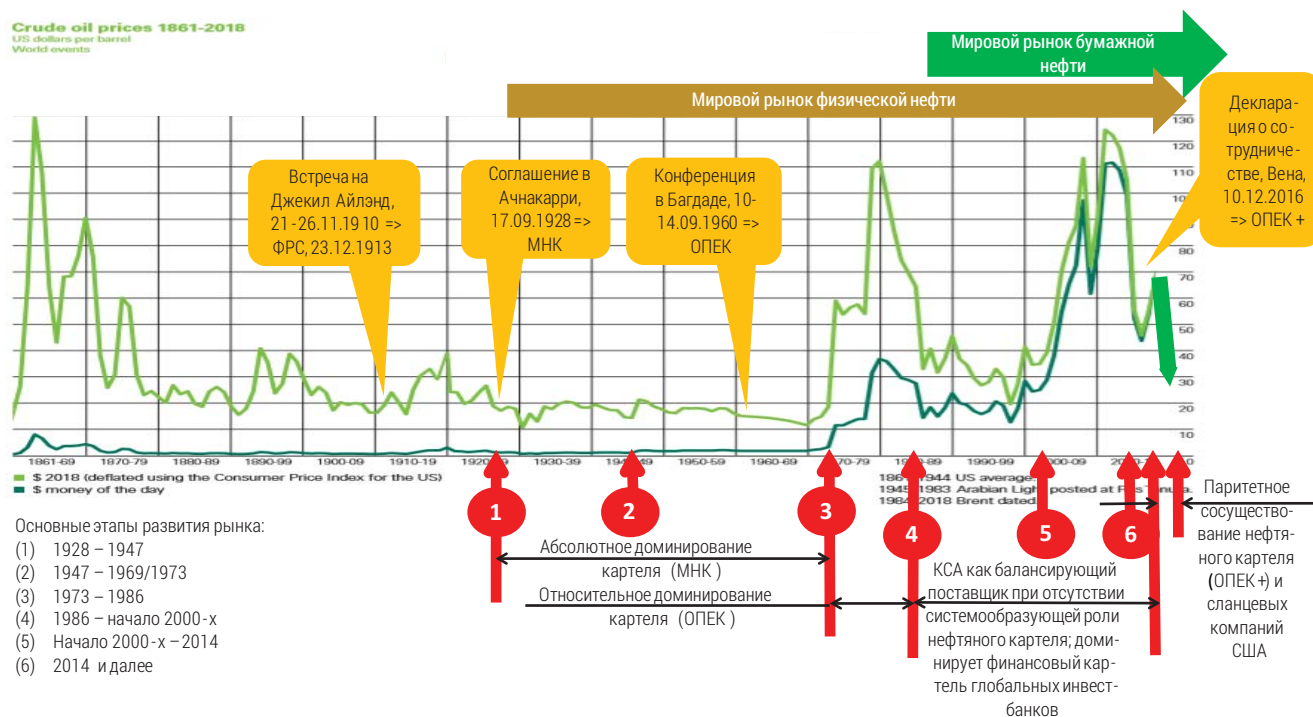
первых двух доминировал Международный нефтяной картель (МНК) – группа международных вертикально интегрированных нефтяных компаний (ВИНК). А на третьем этапе доминировала Организация стран-экспортеров нефти (ОПЕК), в которую вошли страны, национализировавшие в начале периода добывающие активы ВИНК МНК – доминантных игроков первых двух этапов (см. «Основные этапы развития организованной международной торговли нефтью»).

То есть, строго говоря, успешные картели первых трех этапов существовали на базе одних и тех же ключевых тогда добывающих активов ВИНК МНК (в США и ОПЕК), составлявших на том этапе основную ресурсную базу мировой нефтедобычи и открытой международной торговли нефтью.

Нынешний – уже шестой – этап развития рынка радикально отличается от первых трех, в рамках которых была возможна относительно долговременная его картелизация. Ключевое отличие – последствия диверсификации нефтяного бизнеса в разных ее проявлениях. И поэтому на нынешнем этапе любой картель, на мой взгляд, изначально обречен.

Первые три этапа – это период существования только рынка физической нефти. Четвертый этап (1986 – начало 2000-х годов) – коммодитизация рынка нефти, превращение ее в биржевой товар. Пятый (начало 2000-х – 2014) – финансовализация рынка нефти, превращение нефти в финансовый актив. Шестой период продол-

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ НЕФТЬЮ

Источник: составлено автором на основе базового графика BP Statistical Review of World Energy 2019, 68th edition, p.24

жается с 2014 года по настоящее время. Все три последних этапа – это период сосуществования рынка бумажной и физической нефти, причем с разными и меняющимися их весами. На четвертом этапе в рамках двухсегментной модели доминировал рынок физической нефти (рынок бумажной нефти был в стадии зарождения и формирования, выполнял подчиненную, вспомогательную роль). Начиная с пятого этапа доминирует уже сформированный и глубоко разветвленный рынок бумажной нефти, ставший частью глобального высоколиквидного рынка капитала. Его оборот многократно превышает масштабы рынка физической нефти.

КТО ПРАВИТ БАЛ

Ключевой элемент контроля – в чьих руках ценообразование. Его разные механизмы определяют разные возможности контроля над рынком.

Первые три этапа – это ценообразование по принципу «кост-плюс» или «нет-форвард» суммированием издержек по стадиям производственно-сбытовой цепочки – от производителя (преимущественно зарубежного) до рынка конечного потребления в странах-импортерах. При этом на третьем этапе ценообразование «кост-плюс» трансформировалось в «спот-плюс». Но на всех трех этапах цена СИФ (у импортера) определялась прямым счетом

от цены FOB (у экспортера), то есть де-факто от уровня издержек на устье скважины (см. «Эволюция механизма ценообразования на мировом рынке нефти»). Таким образом, тот, кто контролировал добычу, мог контролировать цены в стране-импортере, обеспечивая тем самым приемлемую рентабельность своих производственно-сбытовых операций, исходя из соображений долгосрочного расширенного воспроизводства.

Поэтому на первых трех этапах контроль над ценообразованием на нефть оставался в руках тех, кто контролировал добычу и поставки. На первых двух этапах это были ВИНК, входящие в МНК, на третьем – страны ОПЕК.

КАРТЕЛЬ МНК: 1928–1973

Сегодня нефтяной мир находится в ситуации, чем-то отдаленно – но лишь по некоторым параметрам взаимодействия ключевых игроков – напоминающей мне середину 1920-х годов. Тогда конкуренция между крупнейшими компаниями отрасли приводила к прямым нефтяным войнам между ними, вплоть до пиратских атак на танкеры конкурентов. Осознав, что худой мир лучше доброй войны, эти компании нашли в себе силы и (не побоюсь сказать!) мудрость договориться и подписать в 1928 году так называемое Ачнакаррское соглашение. Тем самым был создан МНК, объединивший поначалу семь компаний (это аме-

ЭВОЛЮЦИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА МИРОВОМ РЫНКЕ НЕФТИ

Периоды, кто устанавливает цену	Формула цены
(1) 1928-1947, МНК (однобазовая система цен)	Нетфорвард (кост-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (Мексиканский залив)} + \text{Фр.реал./фикт. (Мексиканский залив)}$
(2) 1947-1969, МНК (двухбазовая система цен) (1969-1973 – переходный период, переговорный МНК-ОПЕК порядок установления цен)	К западу от нейтральной точки: Нетфорвард (кост-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (Мексиканский залив)} + \text{Фр.реал./фикт. (Мексиканский залив)}$ К востоку от нейтральной точки: Нетфорвард (кост-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (Мексиканский залив)} + \text{Фр.реал./фикт. (Персидский залив)}$
(3) 1973-1985, ОПЕК	Нетфорвард (спот-плюс): $C_{CIF} = C_{FOB} \text{ (ОПЕК-ооц)} + \text{Фр.реал. (ОПЕК)}$
(4) 1986 – начало 2000-х, биржа (хеджеры => нефтяные спекулянты)	Нетбэк: $C_{FOB} \text{ (встр.)} = C_{CIF} / \text{бирж.} - \text{Фр.реал.}$ $C_{CIF} = \text{Биржевые котировки (нефт.)}$
(5) Начало 2000-х и далее, биржа (ненефтяные спекулянты)	Нетбэк: $C_{FOB} \text{ (встр.)} = C_{CIF} / \text{бирж.} - \text{Фр.реал.}$ $C_{CIF} = \text{Биржевые котировки (нефт.)}$
<ul style="list-style-type: none"> • C_{CIF} – цена CIF (у потребителя); • C_{FOB} (Мексиканский залив) – цена FOB (у поставщика) в районе Мексиканского залива; • Фр.реал./фикт. (Мексиканский залив и Персидский залив) – фрахтовые ставки на реальную/фиктивную доставку нефти из района Мексиканского/Персидского залива потребителям; • C_{FOB} (ОПЕК-ооц) – официальные отпускные цены FOB стран ОПЕК; • Фр.реал. (ОПЕК) – фрахтовые ставки на реальную доставку нефти из государств ОПЕК потребителям; • C_{FOB} (встр.) – цена FOB, рассчитанная по формуле «встречной» цены (цена CIF минус затраты, связанные с транспортировкой); • C_{CIF} (бирж.) – устанавливаемая на бирже цена CIF (у потребителя); • Фр.реал. – фрахтовые ставки на реальную доставку нефти потребителям из районов ее добычи 	

Источник: составлено автором

риканские Exxon, Mobil, Chevron, Gulf, Texaco, британская British Petroleum и англо-голландская Royal Dutch Shell), а затем восемь (плюс французская Compagnie Francaise des Petroles) крупнейших международных ВИНК.

МНК за счет консолидации и согласованности действий обеспечил себе контроль над международной торговлей и ценообразованием на нефть. До начала 1970-х годов США были одним из крупнейших нефтеэкспортеров, пока в стране не материализовался эффект кривой Хабберта, предсказанный Мэрионом-Кингом Хаббертом еще в 1949 и 1956 годах. А большую часть мировой добычи за пределами США обеспечивали добывающие подразделения ВИНК, входящих в МНК, на территории развивающихся государств (будущих членов ОПЕК). Добытая нефть передавалась транспортным подразделениям этих ВИНК по заниженным трансфертным ценам (практика, которую потом повторили в 1990-е годы некоторые – или все? – российские вновь образованные и приватизированные ВИНК).

Цена в странах-импортерах определялась на первом этапе (1928–1947) в рамках предусмотренного Ачнакарским соглашением механизма однобазовых цен. На втором этапе (1947–1973) он был преобразован в механизм двухбазовых цен. Оба механизма обеспечивали привязку импортных цен (стоимость добычи плюс транспортировки) к самой дорогой на то время нефти США (к издержкам маржинального производителя), вне зависимости от того, где эта нефть на самом деле добывалась.

Снижение издержек на разведку и добычу в мировой нефтяной отрасли (особенно на Ближнем Востоке) до начала 1970-х годов обеспечивало компаниям МНК получение растущей с течением времени дополнительной сверхприбыли (помимо генерируемой механизмами однобазовой и двухбазовой моделей ценообразования) при стабильных и относительно низких – порядка \$2/барр – ценах на нефть (механизм, впервые, в моем понимании, описанный Жаном-Мари Шевалье).

Редняя продолжительность существования выявленных в XX веке картелей, по результатам исследования Маргарет Левенштайн и Валери Суслоу, составляла от четырех до восьми лет. Картель МНК просуществовал 45 лет, то есть в 5,5–11 раз (считай, на порядок) дольше их средней продолжительности.

Возможность столь долгого сохранения доминирования МНК в мировой нефтяной торговле обеспечивалась, в первую очередь, за счет полной непрозрачности рынка за пределами США, отсутствия информации о реальных затратах ВИНК и невозможности доступа к бухгалтерским книгам компаний-участниц МНК. А также благодаря существовавшей на первом этапе (до 1948 года, когда Венесуэла модернизировала этот порядок) безальтернативной системе взаимоотношений принимающих государств и иностранных нефтяных компаний на основе традиционных концессий. Они передавали на многие десятилетия ресурсы недр принимающей страны в собственность концессионеру (компаниям МНК) без каких-либо их обязательств по темпам, масштабам и иным ключевым условиям освоения концес-

сионных участков, достигавших иногда площади всей или большей части территории той или иной страны. Такой порядок де-факто долгое время блокировал выход на рынок новых игроков. Ситуация изменилась только к концу 1960-х годов.

КАРТЕЛЬ ОПЕК: 1973–1985

Образование в 1960 году ОПЕК, накопление этой организацией сил и опыта взаимодействия в течение последующего десятилетия привели к изменению соотношения сил между принимающими странами и компаниями МНК. К концу 1960-х годов страны ОПЕК перехватили инициативу: МНК утратил свое доминирование на рынке, куда вышли многие новые независимые компании, на основе установления прямых связей со странами ОПЕК, минуя МНК. Так началась диверсификация на корпоративном уровне.

В 1969–1973 годах действовал фактически переговорный, между МНК и ОПЕК, порядок установления цен. Семидневная арабо-израильская война в октябре 1973 года привела к установлению арабскими государствами-членами ОПЕК эмбарго на поставки нефти в страны, поддерживавшие Израиль. В условиях образовавшегося дефицита жидкого топлива (вследствие отсутствия альтернативных источников нефтеснабжения) цены взлетели.

В 1970-е годы в странах ОПЕК прошла волна национализации добывающих активов ВИНК, входящих в МНК, на базе которых были сформированы государственные и/или национальные нефтяные компании (ННК) этих государств. Теперь они стали определять масштабы добычи и цены. В этих условиях ажиотажный спрос толкал цены вверх. Страны ОПЕК организовывали аукционы на мелкие товарные партии для тестирования рынка. К их спотовым – и растущим – котировкам они привязывали свои официальные отпускные цены (ООЦ). Так механизм ценообразования «кост-плюс» на третьем этапе трансформировался в «спот-плюс». Это продолжало возгонку цен до начала 1980-х годов, пока не сработали первые ответные меры стран-импортеров – как на стороне предложения, так и на стороне спроса.

Устранить дефицит на рынке странам-импортерам можно было разными путями. Все они нашли свое применение, но в силу разной капиталоемкости и инерционности давали эффект в разное время, накладывая эти разновременные эффекты один на другой.

На стороне предложения это было, во-первых, формирование и наращивание стратегических и коммерческих товарных запасов нефти в странах-импортерах для демпфирования краткосрочных перерывов в поставках. С этой целью в 1974 году было образовано Международное энергетическое агентство (МЭА). Во-вторых, наращивание добычи за пределами ОПЕК для долгосрочного рассасывания дефицита предложения (внутритопливное замещение – нефти ОПЕК сырьем извне ОПЕК). К этому подталкивали ставшие высокими цены, сделавшие выгодной разработку ранее нерентабельных месторождений. В итоге добыча шагнула в новые труднодоступные районы за пределами ОПЕК.

На стороне спроса работали три механизма замещения одних производственных ресурсов другими для ребалансировки структуры затрат в рамках общественно необходимых издержек производства:

- ◆ замещение дорогой нефти в энергопотреблении альтернативными и ставшими более дешевыми энергоресурсами – газом, углем, возобновляемыми источниками (межтопливное замещение);
- ◆ замещение нефти и – шире – энергии живым трудом, означавшее на практике вывод энергоемких производств в развивающиеся страны с последующим возвратным импортом продукции обрабатывающих отраслей;
- ◆ замещение нефти и – шире – энергии прошлым трудом, то есть капиталом, что означало изменение модели энергопотребления с энергорасточительной на энергоэкономную за счет повсеместного повышения энергоэффективности с целью замедления роста спроса (разрыв жесткой корреляции между энергопотреблением и экономическим ростом) и устранения дефицита предложения с этой стороны.

Первый результат комплекса этих мер проявился в начале 1980-х годов, когда замедление спроса и наращивание добычи за пределами ОПЕК сформировали избыток предложения на мировом рынке нефти. Это привело к снижению сначала спотовых котировок, а потом и ООЦ ОПЕК.

Именно тогда, собственно, и начался закат картеля ОПЕК. Это привело сначала к ослаблению, а затем, менее чем через пять лет, и к полному устранению организации как ценообразующего механизма на рынке нефти. Эта функция перешла сначала в руки КСА, а затем, уже в начале 2000-х годов, к тандему КСА и группы крупнейших инвестиционных (преимущественно американских) банков.

Последние нельзя отнести к картелю по формальным признакам вследствие отсутствия формального соглашения между ними, которое к тому же запрещено американским законодательством. Существовал такое соглашение – оно было бы уже давно раскопано американскими СМИ (вспомним пример Уотергейта и печальную судьбу Президента Никсона). Но на долю четырех крупнейших американских банков (JP Morgan Chase, Citibank, Bank of America, Goldman Sachs), по расчетам специалистов Центра энергетических исследований (ЦЭИ) ИМЭМО РАН, в начале 2010-х годов приходилось 95% мирового рынка деривативов. То есть фактический контроль над рынком производных финансовых инструментов (неотъемлемой частью которого стал рынок бумажной нефти) принадлежит именно этой четверке. Вспоминается у Шекспира, в «Ромео и Джульетте»: «ведь роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет...»

КСА И США, КОНЕЦ ОПЕК

На волне растущих цен в 1970-е годы многие страны ОПЕК запустили дорогостоящие программы долгосрочных бюджетных расходов. Снижение цен в начале 1980-х годов привело к массовым нарушениям внутренней дисциплины стран ОПЕК, систематическим превышени-

ям экспортных квот отдельными ее участниками. Это еще сильнее давило на цены.

Саудовская Аравия до 1985 года сокращала собственную добычу, чтобы удержать падающие цены, но фактически ее квоту на рынке тут же замещали другие страны ОПЕК. В итоге в конце 1985 года, исчерпав лимит увещаний членов ОПЕК к соблюдению дисциплины экспортных поставок, КСА подняло свою добычу до уровня квоты. Кроме того, Эр-Рияд привязал свою экспортную цену FOB методом нетбэк (обратным счетом) к котировкам нефтепродуктов на Нью-Йоркской бирже (поскольку США являлись основной страной-импортером саудовской нефти и крупнейшим мировым потребителем жидкого топлива). Это обрушило нефтяные цены (см. «Такие разные нефтяные кризисы...»). Но КСА было в безопасности, так как имело (как, впрочем, и сейчас) один из самых низких в мире уровней полных издержек по добыче и доставке нефти основным потребителям-импортерам, а значит, и самый низкий уровень цены отсечения по сравнению с конкурентами. Усматриваю здесь прямую аналогию с тем, что произошло сегодня (см. «2020-й как преломленное отражение 1985-го»).

Так и тогда, на мой взгляд, закончилось на практике доминирование картеля ОПЕК. Он фактически развалился изнутри. ОПЕК как реальная сила просуществовал в полтора-три раза дольше средней продолжительности жизни картелей (в соответствии с результатами исследования Левенштайн-Суслу), но в 3,5–4 раза меньше МНК. Он был эффективен ровно до тех пор, пока на рынок не были выведены альтернативные источники предложения за его пределами. Это потребовало большего времени и больших денег, чем в других отраслях, поэтому и продлило период доминирования картеля дольше среднего. А также пока основные потребители не диверсифицировали структуру своего энергопотребления, радикально уменьшив зависимость от нефти. Но если потребители диверсифицировали структуру спроса, то многие страны-производители, наоборот, наращивая добычу углеводородов, попадали в еще большую зависимость от их экспорта.

Целью КСА в 1985 году было убрать с рынка наиболее дорогостоящих производителей (извне ли ОПЕК или изнутри уже фактически развалившейся организации), ликвидировать формируемый ими «навес» избыточной текущей и будущей добычи, заставив пересмотреть инвестиционные программы. Это позволило бы сбалансировать предложение и спрос и, как следствие, вернуть цены на более высокий уровень. Некоторые исследователи (например, Антуан Халфф в недавней статье в Financial Times) объясняют такое поведение производителя теорией игр. Но, на мой взгляд, тогда, в середине 1980-х, сошлись интересы двух ключевых игроков – КСА и США – на односегментном в то время (состоявшем только из рынка нефти физической) мировом рынке и при сформировавшемся в 1970-е годы механизме рециклирования нефтедолларов.

С одной стороны, КСА было крупнейшим производителем нефти с самыми низкими издержками и импортером (в основном из США) практически всех необходимых стра-

ТАКИЕ РАЗНЫЕ НЕФТЯНЫЕ КРИЗИСЫ (ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЙ НЕФТЯНЫХ ЦЕН)

Основные падения нефтяных цен	Этап развития нефтяного рынка	Истоки падения цен (из какого сегмента рынка)	Основные факторы падения цен
1985 г.	Третий	Рынок физической нефти	Эффект ответных мер мировой экономики на рост цен в начале 1970-х гг.: рост добычи вне ОПЕК, плюс замедление роста потребления жидкого топлива (начало перехода к энергоэффективной экономике) => дисбаланс на рынке физической нефти => фактический развал ОПЕК. В результате КСА наводняет рынок дешевой нефтью
1998 г.	Четвертый	Рынок бумажной нефти	Азиатский финансовый кризис => спад спроса в АТР => дисбаланс на рынке физической нефти
2008 г.	Пятый	Рынок бумажной нефти	Ипотечный кризис в США => глобальный кризис ликвидности => отток финансовых ресурсов с рынка нефтяных финансовых деривативов => дисбаланс на рынке бумажной нефти => импорт упавших цен бумажной нефти на рынок физической нефти
2014 г.	Пятый	Рынок физической нефти	Выход (опосредованный) на мировой рынок сланцевых производителей США наложилась на кумулятивный эффект ответных мер мировой экономики на рост цен в начале 1970-х гг. => дисбаланс на рынке физической нефти
2020 г.	Шестой	Рынок физической нефти	Обрушение спроса в результате мер по предотвращению распространения COVID-19 плюс развал ОПЕК+ (в результате КСА наводняет рынок дешевой нефтью) наложилась на кумулятивный эффект ответных мер мировой экономики на рост цен в начале 1970-х гг. плюс мер в рамках Парижского соглашения (начало перехода к низкоуглеродной энергоэффективной экономике) => дисбаланс на рынке физической нефти

Источник: составлено автором

2020-й КАК ПРЕЛОМЛЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ 1985-го...

Ситуация в ОПЕК+ в конце 2010-х годов весьма напоминает мне ситуацию в ОПЕК в первой половине 1980-х годов с тем же эффектом и последовательностью действий, только ныне спрессованными в более короткий промежуток времени.

Строго говоря, оба раза Саудовскую Аравию подтолкнули к ее действиям (которые и тогда, и сейчас многие называют «развязыванием ценовой войны», то есть вкладывают инициативу в руки КСА). Только в одном случае (в 1980-е годы) это была внутреннее рассогласованное поведение и нарушение дисциплины квот внутри ОПЕК, продолжавшееся в течение почти пяти лет. А в нынешнем мартовском (2020 года) случае это был отказ России пойти на согласованное внутри ОПЕК и жестко предложенное остальным участникам ОПЕК+ снижение добычи (дабы предотвратить и/или упредить обвал рынка в рамках начавшегося коронавирусного падения спроса в мире). Это предложение оказалось более радикальным, чем то, на которое была готова пойти моя страна. Россия предпочла выждать и посмотреть на дальнейшее развитие ситуации в течение следующего – то есть второго – квартала года.

Различные источники (в том числе принимавшие участие в известном совещании Президента России с главами нефтяных компаний страны в начале марта) указывают на то, что такая позиция моей страны была связана с позицией (или даже обусловлена ею) крупнейшей госкомпания. Ее руководитель не без основания указывал, что в нынешних условиях любое сокращение добычи и доли ОПЕК+ на мировом рынке тут же восполняется компенсационным наращиванием и занятием высвободившейся рыночной доли американскими сланцевыми компаниями.

В обоих случаях не было достигнуто согласие по вопросу о масштабах снижения добычи участниками соглашения (тогда – ОПЕК, ныне – ОПЕК+). Это было обусловлено тем, что плодами сокращения и тогда, и сегодня пользовались другие участники рынка. Тогда – участники самого ОПЕК, помимо КСА, и новые, преимущественно маргинальные, нефтепроизводители за его пределами, такие как североморские. Ныне – сланцевые компании США, имеющие возможность быстро наращивать добычу. Поэтому крупнейший по масштабам поставок на открытый рынок участник обоих соглашений КСА, обеспечивающий в течение всего срока действия соглашения наибольшие объемы сокращения, выходит из него. Саудовская Аравия переходит от поддержания уровня цен за счет добровольного снижения своей квоты к сохранению и расширению своей рыночной доли, пусть и путем обрушения цен (см. «Такие разные нефтяные кризисы»). Для этого у Эр-Рияда были тогда и сохраняются сегодня все материальные основания: наибольший резерв неиспользуемых мощностей и самые низкие издержки добычи и доставки нефти на основные экспортные рынки по сравнению с США и РФ.

не товаров и услуг. Росли также военные расходы королевства. Будучи менее населенной по сравнению с другими странами ОПЕК, обладающими большим населением и меньшими и более дорогими нефтяными ресурсами, КСА запустило гораздо меньшее число долгосрочных капиталоемких инвестиционных программ социально-экономического развития. Их финансирование, в отличие от закупок предметов роскоши для многочисленного королевского семейства Эр-Рияда, нельзя приостановить на полпути. Значит, для сохранения финансирования бюджетных программ другим странам ОПЕК нужны были более высокие цены на нефть, чем на том этапе для КСА. Поэтому они и шли на нарушение квот, в стремлении за счет роста добычи компенсировать уменьшение экспортных доходов вследствие снижения цен. Тем самым они еще больше раскручивали спираль ценового падения.

С другой стороны, США были крупнейшим потребителем жидкого топлива и ведущим экспортером товаров и услуг в КСА и другие нефтедобывающие страны. Механизм рециклирования нефтедолларов обеспечивал перераспределение и существенный возврат нефтяных доходов ОПЕК западным странам-нефтеимпортерам, поставлявшим экспортные товары и услуги в государства ОПЕК. Соединенные Штаты были крупнейшим таким импортером и экспортером для КСА, в первую очередь в рамках раздуваемого (не без помощи извне) военного бюджета королевства.

Снижение (обрушение) нефтяных цен обеспечивало сохранение маховика рециклирования нефтедолларов для КСА и США. Поэтому Саудовская Аравия (помните приписываемое Михаилу Светлову: «Против кого дружим, ребята?») фактически «дружила с США против остальных нефтедобывающих стран». Принцип «разделяй и властвуй» сработал на основе объединения коммерческих интересов двух государств, бывших десятилетие назад непримиримыми антагонистами (вспомним нефтяное эмбарго 1973 года).

Таким образом, в середине 1980-х годов мировой рынок вступил в новый, принципиально отличающийся от предыдущих, этап своего развития. Одной из жертв (полагаю, что побочной, а не целевой) этой новой модели его развития стал вошедший в «перестройку и ускорение» на этапе упавших нефтяных цен СССР. Это убыстрило экономический коллапс страны и привело к ее распаду.

ПЕРЕХОД КОНТРОЛЯ НАД ЦЕНООБРАЗОВАНИЕМ

Начиная с четвертого этапа цена FOB формируется обратным счетом, по принципу нетбэк от цены СИФ. А та, в свою очередь, определяется биржевыми котировками на рынке стран-потребителей. Ценообразование ушло на биржу и стало неподконтрольным производителям. Поэтому и ценовые кризисы 1998-го и 2008–2009 годов приходили не с физического рынка, а из области бумажной нефти, то есть из финансового сектора.

На четвертом этапе (период коммодитизации) доминировали преимущественно биржевые и внебиржевые котировки на поставочные контракты, то есть на спотовые поставки в рамках рынка физической нефти. И уже

эти котировки инкорпорировались (с разными скидками/надбавками и системой ценовых дифференциалов за качество нефти) в долгосрочные контракты. А начиная с пятого этапа (период финансиализации) доминируют котировки на беспоставочные контракты, являющиеся спекулятивными ценными бумагами.

Поэтому на четвертом этапе в ценообразовании доминировали хеджеры, то есть участники физического рынка, использующие финансовые инструменты для минимизации/хеджирования рисков в рамках своих производственно-сбытовых цепочек. Причем в их роли выступали далеко не только производители – нефтедобывающие компании, но и крупные потребители нефтепродуктов. Начиная же с пятого этапа ценообразование на нефть полностью ушло в руки другого класса биржевых игроков – финансовых спекулянтов. Причем преимущественно ненефтяных, извне пределов нефтяного сектора. Они не несут обязательств по поставкам, инвестиционных рисков финансирования капиталоемких производственных проектов.

Таким образом, на пятом этапе развития мирового рынка нефти цена полностью оторвалась от стоимости и ценообразование ушло в руки финансовых игроков. В этих условиях любой картель производителей становится заведомо обреченным – до тех пор, пока не совпадут интересы крупнейших игроков не только физического, но и финансового рынков.

Такое совпадение произошло только на пятом этапе. Правда, картель ОПЕК, доминировавший на третьем этапе, уже в середине того этапа перестал функционировать как единый организм. Его системообразующая роль уже тогда фактически сосредоточилась в руках одной страны – КСА, обладавшей и продолжающей поныне обладать крупнейшими доказанными извлекаемыми запасами традиционной нефти с самыми низкими издержками их добычи и доставки потребителям в рамках мировой системы нефтеснабжения (см. «Такие разные издержки...»).

Поэтому картель ОПЕК еще на третьем этапе (на траектории понижающихся цен начала 1980-х годов) перестал играть определяющую роль в ценообразовании и окончательно утратил ее на четвертом-пятом этапах.

Более того, по мере расширения добычи за пределами ОПЕК (исторической ресурсной базы ВИНК, входящих в МНК) стала уменьшаться информационная закрытость нефтяного рынка. Именно она ранее являлась одной из важных предпосылок для картелизации, особенно на первых двух этапах развития рынка, в период доминирования МНК.

Поэтому на четвертом этапе, с одной стороны, увеличились частота и амплитуда колебаний цен. Ибо биржевые игроки подвержены воздействию многообразных психологических факторов. Динамика биржевых котировок построена на краткосрочных (а потому более волатильных) ожиданиях игроков, в отличие от долгосрочных (а потому более устойчивых) цен «кост-плюс», калкулируемых методом прямого счета.

Но, с другой стороны, в силу резко возросшей информационной прозрачности рынка стали быстрее гасить

ся ценовые возмущения, вызванные теми или иными событиями, поскольку резко увеличились быстрота и корректность оценки их последствий. Первый пример такого рода, на мой взгляд, – это реакция рынка на иракско-кувейтскую войну 1991 года. На это в свое время обратил мое внимание президент LPI Consulting Лучиано Пуглиарези во время организованной мной его лекции для тогдашних моих студентов в Государственном университете (тогда еще Академии) управления. Цены многократно (практически вертикально) взлетели на новостях о вторжении Ирака в Кувейт, но практически тут же вернулись к значениям, близким к довоенным. Ибо очень быстро стало ясно, что существенных последствий для мировой системы нефтеснабжения эта локальная война иметь не будет.

Поэтому, на мой взгляд, на пятом этапе сошлись интересы крупнейшего игрока рынка физической нефти – КСА и крупнейшего игрока рынка бумажной нефти – США. Своего рода молчаливая договоренность «по понятиям». Это предопределило возгонку и удержание высоких цен в рамках данного этапа (включая кризис 2008–2009 годов), до момента появления на рынке и достижения им критической массы и влияния принципиально нового класса участников – американских сланцевых производителей.

ПЯТЫЙ ЭТАП: СОВПАДЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ

Невнятная и неустойчивая динамика нефтяных цен в интервале \$15–25/барр в 1990-е годы, на четвертом этапе развития (период становления рынка нефти в рамках двухсегментной его модели – сосуществование и взаимодействие рынка физической и бумажной нефти), привела к недоинвестированию нефтяной отрасли и замедлению научно-технического прогресса (НТП). Оставаясь преимущественно эволюционным, НТП смог лишь замедлить общее увеличение издержек разведки и добычи вследствие продолжающегося ухудшения, после «перелома Шевалье», природных условий мировой нефтедобычи.

Начало 2000-х годов ознаменовалось, на мой взгляд, переходом к новому – пятому этапу. Рост спроса

на рынке физической нефти в начале века за счет резкого рывка развивающихся стран после кризиса 1998 года (в первые годы XXI века на Китай и Индию, например, приходилось до половины прироста мирового нефтепотребления) подтолкнул, вслед за увеличением издержек, и рост цен. То есть начальный импульс их росту был дан на рынке физической нефти. Он немедленно был подхвачен глобальными финансовыми институтами, и в дальнейшем маховик взвинчивания цен раскручивался на рынке нефтяных финансовых деривативов. Оттуда растущие цены – биржевые котировки преимущественно беспоставочных контрактов – импортировались на рынок физической нефти, в сделки с реальными поставками. Такой механизм служил, в частности, для компенсации снижения курса доллара.

В 2008–2009 годы разразился пришедший с финансового рынка кризис. Нефтяные цены взлетели до исторического максимума \$147/барр, обрушились до \$35 и снова поднялись и закрепились на несколько лет на уровне порядка \$100–110/барр. В 2010 году Джулиан Ли, аналитик тогдашнего лондонского Центра глобальных энергетических исследований, возглавлявшегося шейхом Ахмедом Заки Ямани (бывшим в период 1960–1985 годов министром нефти и минеральных ресурсов КСА и, безусловно, персоной номер один в мировой нефтяной промышленности), первым, на моей памяти, публично обосновал, что КСА заинтересовано в поддержании цен на уровне, обеспечивающем бездефицитный бюджет страны. И этот уровень не имеет ничего общего с уровнем издержек по добыче и доставке нефти потребителям-импортерам.

Тогда же министр нефти КСА Али аль-Наими, а вслед за ним и вся мировая «нефтяная тусовка», включая и российскую ее часть, стали повторять, что «справедливая» цена на нефть должна быть в районе сначала \$60–70, потом \$70–80/барр – аккуратно на том уровне, как посчитал Ли цену бездефицитного бюджета КСА.

После Арабской весны, когда нефтедобывающие страны Персидского залива, включая КСА, пошли на допол-

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ИЗДЕРЖКИ...

Говоря об издержках добычи, я имею в виду не текущие операционные издержки, так называемые *lifting costs*. Это показатель, которым так любят оперировать применительно к своим проектам некоторые крупнейшие российские компании, пытаясь таким образом продемонстрировать одинаковую конкурентоспособность саудовской и российской нефти. Речь идет о полных издержках, включая капиталоемкую составляющую. А там картина уже принципиально иная, особенно если для российских компаний брать не прошлые затраты для текущей добычи, а затраты на возмещение выбытия действующих мощностей. В первом случае для многих из них прошлые затраты практически нулевые. Ведь производственные активы достались компаниям не в результате их капиталовложений (вложения были осуществлены еще во времена СССР предприятиями-предшественниками), а в результате приватизации 1990-х годов по заниженным ценам.

Во втором случае российским компаниям придется уже самим осуществлять полномасштабные капиталовложения, причем в гораздо более тяжелых природных условиях, чем для действующих активов. Правда, государство, скорее всего, возьмет на себя часть проектных затрат общеэкономического характера по обустройству новых неосвоенных территорий.

нительные бюджетные расходы с целью недопущения у себя аналогичных событий, цена бездефицитного бюджета КСА (и «справедливая» цена на нефть) поднялись еще выше. В общем, как сказал в 2011 году Ное ван Халст, тогдашний генеральный секретарь Международного энергетического форума, «когда Саудовская Аравия говорит – рынок слушает»...

Но это был уже пятый этап развития рынка, когда объемы торговли на рынке бумажной нефти (нефтяных финансовых деривативов) многократно (на порядок) превышали оборот рынка физической нефти. При этом, повторюсь, по расчетам специалистов Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН, в начале 2010-х годов 95% мирового рынка деривативов приходилось на долю четырех американских финансовых групп: JP Morgan Chase, Citibank, Bank of America, Goldman Sachs. Поэтому, как показали расчеты ЦЭИ (что полностью подтверждало мои логические умозаключения на качественном уровне), если на рынке физической нефти (в секторе материального производства) США как страна-импортер несли потери от высоких цен, то на достигшем в 2000-е годы своих огромных масштабов рынке бумажной нефти (нефтяных финансовых деривативов – в финансовом секторе) они выигрывали, и с лихвой, от растущих и высоких цен на нефть. Баланс в рамках глобальной системы рециклирования нефтедолларов оказывался в целом в пользу США, хотя понятно, что бенефициарами и проигравшими были разные сектора экономики страны.

Российским нефтяникам и Минфину (российскому бюджету) высокие цены были только на руку. Здесь проявился так называемый эффект фрирайдера. При этом оставим в стороне ответ на вопрос, насколько эффективно были потрачены дополнительные нефтедоллары, в очередной раз доставшиеся моей стране.

Это привело к текущему (на пятом этапе) совпадению интересов будущих ключевых игроков и основных антагонистов (на шестом этапе) на рынке физической нефти: США, КСА и России.

Малонаселенная Саудовская Аравия – с амбиционными программами госрасходов, включая военные, с самыми низкими издержками добычи, с высоким уровнем резервных добывающих мощностей – могла удерживать производство на уровне, обеспечивающем поддержание мировых нефтяных цен для сохранения бездефицитности ее бюджета. Страна выступала мировым регулятором на рынке нефти (мировым центробанком нефтяной отрасли).

Это устраивало финансовый капитал США, зарабатывающий на комиссиях от многочисленных транзакций на рынке нефтяных финансовых деривативов. Но растущие и высокие цены стимулировали и развитие американской сланцевой отрасли. Именно в нулевые годы, на пятом этапе развития нефтяного рынка, выстрелил 30-летний по продолжительности инновационно-инвестиционный цикл американской сланцевой революции. Это давало дополнительные стимулы для финансово-кредитной системы США (потребность в непрерывном кредитовании «бурового конвейера» сланцевых производителей).

Россия же на этом этапе оказалась в положении фрирайдера: оставаясь вне ОПЕК на рынке физической нефти и присутствуя на рынке бумажной нефти на уровне статистической погрешности, моя страна получала дополнительные бюджетные поступления от высоких экспортных цен на нефть, устанавливаемых в рамках баланса интересов КСА и США, накапливая госрезервы.

Понятно, что на четвертом-пятом этапах предпосылок для картелизации с целью регулировать уровни добычи не возникало, ибо все основные игроки были довольны. Ситуация изменилась на шестом этапе, когда появились недовольные.

РАСХОЖДЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ И РОЛЬ СЛАНЦА

На шестом этапе, на первый взгляд, в системе регулирования рынка нефти ничего не изменилось по сравнению с пятым. Но во второй половине первого десятилетия на рынок вышел и к началу шестого этапа набрал критическую массу новый многочисленный класс игроков – американские сланцевые производители. И это радикально поменяло всю картину со стороны предложения, снова сделав любой картель обреченным.

Ситуацию для производителей усугубила смена парадигмы развития мировой энергетики – с ожидания пика предложения на ожидание пика спроса. Это произошло в результате проявившегося в начале прошедшего десятилетия – на стороне как спроса, так и предложения – накопленного в течение предыдущих 40 лет эффекта ответных мер мировой экономики (промышленно развитых стран) на нефтяные шоки 1970-х годов (сланцевая революция была как раз одним из таких эффектов). Плюс к тому началось рукотворное ограничение спроса на органическое топливо под воздействием климатической повестки, закрепленное как программа действий в многостороннем Парижском соглашении по климату 2015 года.

На первых пяти этапах в балансе добычи присутствовала только так называемая традиционная нефть, добываемая, как правило, за счет вертикального бурения. Внедрение технологий наклонного бурения в начале века позволяло забуривать уже несколько скважин из одного ствола, но тем не менее буровое долото проходило продуктивный пласт поперек или в лучшем случае по диагонали, будь-то в добыче на суше или на море, в жарком климате или в Арктике.

На шестом этапе в баланс мировой нефтедобычи ворвалась сланцевая нефть США. Основу американской сланцевой революции (сначала в газовой сфере, а потом и в нефтяной) обеспечила коммерциализация трех революционных технических решений, успешно сведенных в единый производственный комплекс. Они заключаются в переходе:

- от двухмерной к трехмерной сейсмике;
- от вертикального и наклонно-направленного к горизонтальному бурению (где буровое долото идет не поперек, но вдоль, внутри продуктивного пласта);
- от одиночного гидроразрыва пласта (ГРП) на верти-

кальных скважинах к множественному на горизонтальных, забуриваемых из одного ствола (их отклонение от вертикали ныне может превышать 10 км).

Это явилось результатом 30-летнего инновационно-инвестиционного цикла, запущенного в 1977 году в США при президенте Картере государственными инвестициями в фундаментальные НИОКР в рамках госпрограммы «Энергетическая независимость» (ее подготовка началась еще при президенте Никсоне в 1974 году, сразу после взлета нефтяных цен осенью 1973 года).

Американская сланцевая революция радикально поменяла расклад сил на рынке (как нефти, так и газа). Ибо в основе сланцевой добычи лежит принципиально иной, нежели при извлечении традиционной нефти, инвестиционный цикл. Он значительно более короткий (2–3 года вместо 15–20 лет) и менее капиталоемкий, обеспечивающий более короткую и круто падающую «кривую обучения», что дает возможность снижать издержки практически в режиме реального времени. Реализация относительно низкочастотных сланцевых проектов превратилась в конвейер по бурению, фактически в ремесло, – по сравнению с искусством проектного финансирования, как правило, крупномасштабных капиталоемких проектов по добыче традиционной нефти, все более уходящих в труднодоступные районы на суше, на шельф (в том числе глубоководный), в Арктику. Сланцевикам необходимо было только получать устойчивое финансирование, что без труда обеспечивала финансовая система США, особенно при руководителе ФРС США Бене Бернанке, который был готов «разбрасывать деньги с вертолета» над страной (см. «Сланцевая нефть США и «Бен-вертолет» Бернанке»).

В результате на мировом рынке недавно (в 2015 году США отменили 40-летний мораторий на экспорт нефти) появился новый класс игроков. Это множество мелких и средних независимых компаний, практически не поддающихся консолидации «сверху» в рамках действующей в США системы лицензирования недропользования, при которой собственность на участки недр на суше страны принадлежит соответствующим землевладельцам. Именно они,

а не государство (как в подавляющем большинстве других стран, где собственность на недра принадлежит государству, что объективно удлинняет, усложняет и удорожает все разрешительные недропользовательские процедуры), передают право пользования недрами добывающим компаниям, получая за это роялти.

Добыча традиционной нефти требует реализации эффекта масштаба для снижения издержек, поэтому ВИНК стремятся к повышению капитализации. Производство традиционной нефти концентрируется в руках нескольких крупных государственных или национальных ВИНК, которые – прямо или косвенно – подлежат (поддаются) консолидации сверху в рамках межгосударственных договоренностей в случае возникновения картеля государств.

Поэтому до форс-мажора, вызванного пандемией коронавируса, нельзя было предположить саму возможность согласованных действий между американскими сланцевыми компаниями (неподконтрольными правительству США) и государственными и/или национальными нефтяными компаниями других государств (подконтрольными правительствам этих государств). Особенно в условиях роста спроса на жидкое топливо (развитие промышленности, автомобилизация, ускоренное формирование среднего класса) в таких меганаселенных странах, как Китай, Индия и другие развивающиеся государства. Именно они стали драйверами роста потребления нефти в мире на основе индустриальной модели развития. Эта модель в 1970–1980-е годы была вывезена в развивающиеся государства из промышленно развитых стран-импортеров нефти в рамках замещения ставшей дорогой энергии более дешевой рабочей силой. Сами же развитые государства перешли на постиндустриальную (менее энергоемкую) модель экономического роста.

СМЕНА ФРИЙДЕНА

Наращивание сланцевой добычи в США неизбежно привело (принцип сообщающихся сосудов) к перераспределению потоков в международной торговле нефтью, к ее

СЛАНЦЕВАЯ НЕФТЬ США И «БЕН-ВЕРТОЛЕТ» БЕРНАНКЕ

Бен Шалом Бернанке – Председатель совета управляющих Федеральной резервной системы США с февраля 2006 года до февраля 2014 года. В одном из своих выступлений, посвященных монетарной политике, Бен Бернанке указал на опасность дефляции и заявил, что США в любой момент могут создать инфляцию, напечатав столько долларов, сколько будет необходимо. В той же речи он упомянул знаменитый образ, предложенный лауреатом Нобелевской премии по экономике Милтоном Фридманом, – вертолет, разбрасывающий деньги с неба.

В 2002 году эксперты прозвали Бена Бернанке «Вертолетом» (Helicopter Ben). Лишь благодаря колоссальной эмиссии со стороны Федерального резерва и ничем не прикрытой монетизации долгов США удалось избежать повторения разрушительной Великой депрессии 1930-х годов. Это же – один из источников для непрерывающегося финансирования сланцевых производителей. Несмотря на то, что их нарастающая долговая нагрузка перевела многие эмитируемые ими финансовые инструменты в разряд мусорных. На рынке мусорных облигаций США на долю энергетических компаний страны в середине десятилетия приходилось более 15%.

переполнению, формированию очередного избытка предложения. И в середине 2014 года цены рухнули.

Сланцевые компании, наращивающие масштабы производства, являлись поначалу (как и любая вновь образованная общность) недоговороспособной негомогенной неконсолидируемой совокупностью множества преимущественно мелких и средних компаний. Они были неинтегрированными, закредитованными, им требовалось продолжать бурение для сохранения добычи, генерирования финансовой выручки и выживания. В этих условиях договороспособными (для консолидации действий по ограничению добычи в целях стабилизации и удержания высоких мировых цен) были только государства ОПЕК, а также не входящие в ОПЕК страны, имеющие крупные (по объемам добычи) государственные и/или национальные компании. Запас прочности таких компаний обеспечивался их вертикально интегрированной структурой и поддерживаемыми их государствами, заинтересованными в налоговых бюджетных поступлениях.

Таким образом, на волне общности интересов в 2016 году сформировался суперкартель ОПЕК+, ключевыми участниками которого стали КСА и Россия. Рабочей концепцией его создания было, полагаю, намерение убрать часть избыточных объемов с рынка силами ОПЕК+ на фоне ожидания продолжающегося роста спроса со стороны Китая и других развивающихся стран. Но «Аннушка уже пролила масло...»: рынок давно уже двухсегментный, цены определяют не производители, а финансовые спекулянты, на физическом рынке появился принципиально иной класс участников – сланцевые производители.

Поменялась также энергетическая парадигма, принято Парижское соглашение, отчетливо проявился кумулятивный эффект ответных мер на нефтяные шоки 1970-х годов, произошел разрыв взаимосвязи энергопотребления и экономического роста в промышленно развитых странах. И к 2020 году все тяжелее идти по пути, по которому КСА шла в начале 1980-х. Многие компании ропщут («Роснефть», например), и не без оснований, ибо освобождаемую нишу ОПЕК+ тут же занимают сланцевые производители США.

На шестом этапе отчасти повторилась ситуация конца третьего этапа. Тогда раскол изначально был внутри ОПЕК, когда бенефициарами снижения добычи КСА стали другие страны картеля. Ныне конфликт экономических интересов произошел поначалу не внутри ОПЕК+, а между составляющими его несколькими крупнейшими производителями традиционной нефти, с одной стороны, и множеством производителей сланцевой нефти США, с другой. Последние и стали бенефициарами снижения добычи странами ОПЕК+. Это в итоге привело к расколу внутри самого ОПЕК+. И повторилась ситуация конца 1985 года.

Итак, сегодня картели не имеют шансов на выживание. В условиях взаимозависимости всех и вся они не являются решением проблемы нормализации рынка в интересах всех его участников. Да, они, бывало, долго контролировали формирующий мировой нефтяной рынок, но это были иные времена.

АЛЬТЕРНАТИВЫ КОЛЛЕКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ НЕТ

Совпавшие во времени и наложившиеся по эффекту факторы – пандемия коронавируса и мартовский распад ОПЕК+ – в одночасье приблизили точку бифуркации для мировой экономики, однако не явились ее первопричиной. Мировому сообществу все равно предстояло сделать такой выбор, правда, несколько позже и не в таком авральном порядке, в рамках энергетического перехода к низкоуглеродному развитию, от ожидания пика предложения к ожиданию пика спроса.

Большая беда привела к консолидации усилий. И именно на этом пути – совместных коллективных действий – надо продолжать искать решение проблемы нормализации рынка, пока не будут преодолены последствия пандемии COVID-19, не будет запущен восстановительный рост мировой экономики и спроса на жидкое топливо. До этого придется продолжать искать всем миром варианты возможного пожарного решения проблемы балансировки спроса и предложения.

Очевидно, что вечной дружбы основных производителей, конечно, не получится. Но задача этого всеобщего временного объединения усилий на втором шаге по борьбе с коронавирусом (первый – медицинские меры) – не дать мировой экономике развалиться. Здесь нужны пожарные меры. В противном случае в проигрыше окажутся все участники. Все нефтедобывающие страны выйдут из этой борьбы с потерями (в первую очередь те, кто добывает более дорогую нефть). А для многих эти потери могут стать необратимыми, то есть им грозит утеря не только доходов (прямых и мультипликативных), но и реальных активов, способных генерировать эти доходы.

И на этом сверхсрочном этапе конкуренция (все против всех или частичные объединения и группировки – «нефтяная махновщина») хуже, чем продолжающаяся кооперация ключевых игроков, имеющая целью совместными усилиями погасить пожар обвала спроса за счет вынужденных мер по ограничению предложения. На этом втором шаге (рационализация усилий) свое слово должны сказать государства (вспомним «Новый курс» Рузвельта) и ответственные – индивидуальные и коллективные – игроки. Одним из таких игроков могла бы стать ТЖК США, но большинством 2:1 на своем «историческом» заседании 5 мая она отвергла план Ситтона по 20%-ному сокращению добычи в Техасе, взаимовязанному с действиями других нефтедобывающих государств и штатов США. Потребуются рациональные догоняющие сокращения добычи (вряд ли страны и компании пойдут на упреждающие) и, возможно, механизмы соответствующих адекватных компенсаций (за выводимые и теряемые мощности, а это не только сланцевые, но и труднодоступные месторождения традиционной нефти, их гораздо тяжелее – а иногда уже и невозможно – вводить обратно в хозяйственный оборот). Вот для чего могут потребоваться действия правительств и международных финансовых организаций (МВФ, Всемирного банка). Вот где дополнительное поле для международной кооперации... 📌